

06.04.2023

ТЭК1/1 ТЭК1/2 БУ1/1

Тема ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ. Жизнь и творчество.

Стихотворения: "Конец прекрасной эпохи", "На смерть Жукова", "На столетие Анны Ахматовой", "Ни страны, ни погоста...", "Рождественский романс", "Я входил вместо дикого зверя в клетку...", "1 января 1965 года", "В деревне Бог живет не по углам...", "Воротишься на родину. Ну что ж...", "Осенний крик ястреба", "Рождественская звезда", "То не Муза воды набирает в рот..." "Я обнял эти плечи и взглянул...". Стихотворения: "В горнице", "Видения на холме", "Звезда полей", "Зимняя песня", "Привет, Россия, родина моя!..", "Тихая моя родина!", "Русский огонек", "Стихи". НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ. Жизнь и творчество. Стихотворения: "В горнице", "Видения на холме", "Звезда полей", "Зимняя песня", "Привет, Россия, родина моя!..", "Тихая моя родина!", "Русский огонек", "Стихи".

План.

1. ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ. Жизнь и творчество.

2. Стихотворения: «Конец прекрасной эпохи», «На смерть Жукова», «На столетие Анны Ахматовой», «Ни страны, ни погоста...», «Рождественский романс», «Я входил вместо дикого зверя в клетку...», «1 января 1965 года», «В деревне Бог живет не по углам...», «Воротишься на родину. Ну что ж...», «Осенний крик ястреба», «Рождественская звезда», «То не Муза воды набирает в рот...» «Я обнял эти плечи и взглянул...» Нобелевская лекция. Широта проблемно-тематического диапазона поэзии Бродского. «Естественность и органичность сочетания в ней культурноисторических, философских, литературно-поэтических и автобиографических пластов, реалий, ассоциаций, сливающихся в единый, живой поток непринужденной речи, откристаллизовавшейся в виртуозно организованную стихотворную форму» (В.А. Зайцев).

3. Традиции русской классической поэзии в творчестве И. Бродского.

Теория литературы. Сонет как стихотворная форма (развитие понятия). Реминисценция, перенос, метафора, аллитерация, ассонанс, система рифмовки

Иосиф Александрович Бродский (24 мая 1940 года, Ленинград, СССР — 28 января 1996 года, Бруклин, Нью-Йорк, США; похоронен на кладбище Сан-Микеле Венеции^[1]) — русский^[2] и американский^[3] поэт, эссеист, драматург и переводчик, педагог.

Лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года, поэт-лауреат США в 1991—1992 годах. Стихи писал преимущественно на русском языке, эссеистику — на английском. Почётный гражданин Санкт-Петербурга (1995).

Детство[править | править код]

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде в еврейской семье. Отец, капитан 3-го ранга ВМФ СССР Александр Иванович Бродский (1903—1984), был военным фотокорреспондентом, после Второй мировой войны поступил на работу в фотолaborаторию Военно-морского музея. В 1950 году демобилизовался и затем работал фотографом и журналистом в нескольких ленинградских газетах. Мать, Мария Моисеевна Вольперт (1905—1983), работала бухгалтером. Родная сестра матери — актриса БДТ и Театра им. В. Ф. Комиссаржевской Дора Моисеевна Вольперт.

Раннее детство Иосифа пришлось на годы войны, блокады, послевоенной бедности и прошло без отца. В 1942 году после блокадной зимы Мария Моисеевна с Иосифом уехала в эвакуацию в Череповец, вернулись в Ленинград в 1944 году. В 1947 году Иосиф пошёл в школу № 203 на Кировской улице, 8. В 1950 году перевёлся в школу № 196 на Моховой улице, затем, в 1953 году, — в школу № 181 в Соляном переулке и в следующем году, оставшись на второй год, перешёл в школу № 276 на Обводном канале, дом № 154, где продолжил учёбу в 7-м классе.

Дом Мнурзи, вид с Литейного проспекта. В середине видна мемориальная доска Бродскому. Квартира поэта — со стороны улицы Пестеля.

В 1955 году семья получает «полторы комнаты» в Доме Мнурзи^[4].

Эстетические взгляды Бродского формировались в Ленинграде 1940—1950-х годов. Неоклассическая архитектура, сильно пострадавшая во время артобстрелов и бомбёжек, бесконечные перспективы ленинградских окраин, вода, множественность отражений, — мотивы, связанные с этими впечатлениями его детства и юности, неизменно присутствуют в его творчестве.

Юность[править | править код]

В 1954 году Бродский подал заявление во Второе Балтийское училище (*морское училище*), но не был принят^[?]. В 1955 году в неполные шестнадцать лет, закончив семь классов и начав восьмой, Бродский бросил школу и поступил учеником *фрезеровщика* на *завод «Арсенал»*. Это решение было связано как с проблемами в школе, так и с желанием Бродского финансово поддержать семью. Безуспешно пытался поступить в школу подводников. В 16 лет загорелся идеей стать врачом, месяц работал помощником прозектора в морге при областной больнице, анатомировал трупы, но в конце концов отказался от медицинской карьеры. Кроме того, в течение пяти лет после ухода из школы он работал истопником в котельной, матросом на маяке. Среднее образование он получил в *школе рабочей молодёжи*^[?]. Майкл Шапиро, нью-йоркский публицист и композитор, в книге «Сто великих евреев» утверждает, что Бродский учился в школе рабочей молодёжи, однако аттестата об окончании школы не получил^[?].

С 1957 года был рабочим в геологических экспедициях *НИИГА*: в 1957 и 1958 годах — на *Белом море*, в 1959 и 1961 годах — в *Восточной Сибири* и в Северной *Якутии*, на *Анабарском шите*. Летом 1961 года в эвенкийском посёлке Нелькан в период вынужденного безделья (не было оленей для дальнейшего похода) у него произошёл нервный срыв, и ему разрешили вернуться в Ленинград^[?].

В то же время он очень много, но хаотично читал — в первую очередь поэзию, философскую и религиозную литературу, начал изучать *английский* и *польский языки*^[?].

Личная карточка И. А. Бродского в отделе кадров «Арсенала»

В 1959 году знакомится с *Евгением Рейном*, *Анатолием Найманом*, *Владимиром Уфляндом*, *Булатом Окуджавой*, *Сергеем Довлатовым*. В 1959—1960 годах близко сходитсся с молодыми поэтами из «промки» — литературного объединения при *Дворце культуры промкооперации* (позднее Ленсовета)^[?].

14 февраля 1960 года состоялось первое крупное публичное выступление на «турнире поэтов» в ленинградском *Дворце культуры имени Горького* с участием *А. С. Кушнера*, *Г. Я. Горбовского*, *В. А. Соснора*. Чтение стихотворения «Еврейское кладбище» вызвало скандал^[?].

С 1960 года (а возможно, и раньше) Бродский находился в поле внимания ленинградского *КГБ*. В 1960 году его вызывали на допрос КГБ в связи с арестом *Александра Гинзбурга*, которого осудили на два года лагерей и который ранее опубликовал в своём *самиздатском* журнале поэзии «*Синтаксис*» пять стихотворений Бродского («Синтаксис» оказался первым из самиздатских журналов, приобретшим широкую известность). Стихотворения, публиковавшиеся в «Синтаксисе», в том числе и стихотворения Бродского, с идеологической точки зрения были для советской цензуры слишком индивидуалистическими или пессимистическими, но прямой критики советской власти и призывов к её свержению в них не было^[?].

Во время поездки в *Самарканд* в декабре 1960 года Бродский и его друг, бывший лётчик Олег Шахматов, рассматривали план захвата самолёта, чтобы улететь за границу. Но на это они не решились. Позднее Шахматов был арестован за незаконное хранение оружия и сообщил в *КГБ* об этом плане, а также о другом своём друге, *Александре Уманском*, и его «антисоветской» рукописи, которую Шахматов и Бродский пытались передать случайно встреченному американцу. 29 января 1962 года Бродский был задержан КГБ, но через двое суток его освободили^[?]^[?]^[?]. Арестовали его в связи с делом Уманского и Шахматова^[?], обвинённых в нарушении статьи 70 *УК РСФСР*^[?]^[?] («*Антисоветская агитация и пропаганда*»). После этого недолгого ареста Бродский подвергался слежке^[?].

На рубеже 1960—1961 годов он приобрёл известность на ленинградской литературной сцене. По свидетельству *Давида Штраера-Петрова*: «В апреле 1961 года я вернулся из армии. Илья Авербах, которого я встретил на Невском проспекте, заявил: „В Ленинграде появился гениальный поэт Иосиф Бродский. <…> Ему всего двадцать один год. Пишет по-настоящему один год. Его открыл Женька Рейн“»^[?]. В августе 1961 года в *Комарове* Евгений Рейн познакомил Бродского с *Анной Ахматовой*. В 1962 году во время поездки в *Псков* он познакомился с *Надеждой Мандельштам*, а в 1963 году у Ахматовой — с *Пилией Чуковской*. После смерти Ахматовой в **1966 году** с лёгкой руки Д. Бобышева четверо молодых поэтов, в их числе и Бродский, в мемуарной литературе нередко упоминались как «*ахматовские сироты*».

С детства Бродский страдал *невротическими* проблемами (*фобии*, *заикание*)^[?]. С 1962 года он состоял на *учёте* в *психоневрологическом диспансере* с диагнозом «психопатия» («*расстройство личности*»), в том же году медицинская комиссия вынесла заключение, что он «негоден к военной службе в мирное время, в военное время годен к нестроевой службе по ст. 8 „в“, 30 „в“ (неврозы, заболевание сердца)»^[?].

Муза поэта[править | править код]

В 1962 году двадцатидвухлетний Бродский встретил молодую художницу *Марину (Марианну) Басманову*, дочь *художника П. И. Басманова*. С этого времени Марианне Басмановой, скрытой под инициалами «М. Б.», посвящались многие произведения поэта. Как пишет биограф Бродского Лев Лосев, «стихи, посвящённые „М. Б.“, занимают центральное место в лирике Бродского не потому, что они лучшие — среди них есть шедевры и есть стихотворения проходные, — а потому, что эти стихи и вложенный в них духовный опыт были тем горнилом, в котором выплавилась его поэтическая личность»^[?].

Первые стихотворения с этим посвящением — «Я обнял эти плечи и взглянул…», «Ни тоски, ни любви, ни печали…», «Загадка ангелу» — датируются 1962 годом. Сборник стихотворений И. Бродского «Новые стансы к Августе» (США, Мичиган: Ardis, 1983) составлен из его стихотворений 1962—1982 годов, посвящённых «М. Б.». Последнее стихотворение с посвящением «М. Б.» датировано 1989 годом.

8 октября 1967 года у Марианны Басмановой и Иосифа Бродского родился сын, Андрей Осипович Басманов. В 1972—1995 годах М. П. Басманова и И. А. Бродский состояли в переписке^[Примечание 11].

Ранние стихи и влияния[править | править код]

По собственным словам, Бродский начал писать стихи в восемнадцать лет, однако существует несколько стихотворений, датированных **1956—1957 годами**. Одним из решающих толчков стало знакомство с поэзией *Бориса Слуцкого*, «Пилигримы», «Памятник Пушкину», «Рождественский романс» — наиболее известные из ранних стихов Бродского. Для многих из них характерна ярко выраженная музыкальность. Так, в стихотворениях «От окраины к центру» и «Я — сын предместья, сын предместья, сын предместья…» можно увидеть ритмические элементы джазовых импровизаций. *Цветаева* и *Баратынский*, а несколькими годами позже — *Мандельштам*, оказали на него, по словам самого Бродского, определяющее влияние.

Из современников на него повлияли *Евгений Рейн*, *Глеб Горбовский*, *Владимир Уфлянд*, *Станислав Красовицкий*.

Позднее Бродский называл величайшими поэтами *Олена* и *Цветаеву*, за ними следовали *Кавафис* и *Фрост*, замыкали личный канон поэта *Рильке*, *Пастернак*, *Мандельштам* и *Ахматова*^[?].

Первым опубликованным стихотворением Бродского стала «Баллада о маленьком буксире», напечатанная в сокращённом виде в детском журнале «*Костёр*» (№ 11, 1962).

Преследования, суд и высылка[править | править код]

Травля[править | править код]

29 ноября 1963 года в газете «*Вечерний Ленинград*» появилась статья «Окололитературный трутень», подписанная Я. Лернером^[?] и двумя штатными сотрудниками газеты: Медведевым и Иониным^[?]. Авторы статьи клеймили Бродского за «паразитический образ жизни», «*формализм*» и «*упадочничество*»^[?]. Из стихотворных цитат, приписываемых авторами Бродскому, две были взяты из стихов *Бобышева*^[?], а третья, из поэмы Бродского «Шествие», представляла собой строки из баллады Лжеца, одного из персонажей «Шествия», который по сюжету противоречит сам себе^[?]. Эти строки авторы фельетона исказили^[?]. Кроме того, стихотворение «Люби проездом родину друзей…» было исковеркано авторами фельетона: первую строчку «Люби проездом родину друзей» и последнюю «Жалей проездом родину чужую» они объединили в одну: «Люблю я родину чужую»^[?]. В заключительной части статьи утверждалось: «Он продолжает вести паразитический образ жизни. Здоровый 26-летний парень около четырёх лет не занимается общественно полезным трудом» (на самом деле Бродскому на тот момент было не 26, а 23 года)^[?].

Между тем к моменту публикации статьи Лернера, Медведева и Ионина Бродский начал зарабатывать литературным трудом: в журнале «Костёр» была напечатана «Баллада о маленьком буксире», осенью 1962 года и в 1963 году в издательстве «[Художественная литература](#)» вышли несколько его переводов [кубинских](#) поэтов и поэтов [Югославии](#), и Бродский успел подписать договоры с тем же издательством на новые переводы, однако стараниями Я. Лернера новые заказы на переводы Бродского оказались аннулированы^[24]. Кроме того, по договору от мая 1963 года с Ленинградской студией телевидения Бродский написал сценарий для документального фильма «Баллада о маленьком буксире», одобренный и принятый к постановке^[24].

[Владимир Марамзин](#), знакомый Бродского, впоследствии писал, что «за год (не самый худший) Иосиф Бродский, работая ежедневно над своими стихами и над переводами, как галерный раб, заработал всего лишь 170 рублей (столько в те годы зарабатывал, скажем, инженер — но только за месяц, а не за год)» и что «Иосиф в России был беден, как церковная крыса. Он жил у родителей... которые кормили его»^[24].

Было очевидно, что статья Лернера, Медведева и Ионина является сигналом к преследованиям и, возможно, аресту Бродского. В конце декабря 1963 года друзья Бродского с его согласия устроили его на обследование в [Московскую психиатрическую больницу им. Кашенко](#), надеясь, что диагноз психического расстройства спасёт поэта от уголовного преследования. Однако Бродский провёл в психиатрической больнице лишь несколько дней (до 2 января 1964 года): он испугался, что пребывание там сведёт его с ума, и попросил друзей вызвать его оттуда^[24]. Диагноз при выписке из больницы им. Кашенко был «шизоидная психопатия»^{[12][18]} (то есть [шизоидное расстройство личности](#)).

В это время больше, чем клевета, последующий арест, суд и приговор, мысли Бродского занимал разрыв с [Марианной Басмановой](#). На этот период приходится попытка самоубийства: через несколько дней после выхода из больницы и возвращения в Ленинград Бродский попытался перерезать себе вены^[12].

17 декабря 1963 года Я. Лернер на заседании секретариата [Союза писателей](#) зачитал письмо прокурора Дзержинского района о предании Бродского общественному суду. Правление ленинградского Союза писателей согласилось предать Бродского общественному суду, а также вынесло решение «просить прокурора возбудить против Бродского и его „друзей“ уголовное дело»^[12].

8 января 1964 года «Вечерний Ленинград» опубликовал подборку писем читателей с требованиями наказать «тунеядца Бродского». 13 февраля 1964 года Бродского арестовали по обвинению в тунеядстве. 14 февраля у него случился в камере сердечный приступ^[12]. С этого времени Бродский постоянно страдал [стенокардией](#) (что вместе с тем не мешало ему оставаться заядлым курильщиком).

Процесс^[править | править код]

18 февраля 1964 года состоялось первое слушание дела Бродского^[12]. Его судили не по статье уголовного кодекса, а по указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»^{[14][25]}, то есть дело рассматривалось в административном порядке, поэтому уголовное дело не возбуждалось и не было ни предварительного следствия^[26], ни прокурора^[24]. Суд проходил в здании на [улице Восстания](#).

Адвокат Бродского З. Н. Топорова на суде приводила аргументы о том, что Бродского нельзя считать тунеядцем, что его даже не обвиняют в ведении антиобщественного образа жизни и у него есть свой заработок; судья Савельева (выполнявшая функции не только судьи, но и прокурора) отказывалась признавать Бродского литератором, а его литературный труд — полноценным трудом. По сути, Бродского обвиняли не в том, что он не работает, а в том, что у него малые заработки (хотя в действительности это по советским законам нельзя было квалифицировать как уголовно наказуемое поведение)^[12].

Суд обвинял Бродского также в том, что он «писал „ущербные и упаднические стихи“, которые с помощью своих друзей распространял среди молодёжи Ленинграда и Москвы, а кроме того, организовывал литературные вечера, на которых пытался противопоставить себя как поэта нашей советской действительности»^[18].

Судья: А вообще какая ваша специальность?
Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.
Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?
Бродский: Никто. (*Без вызова.*) А кто причислил меня к роду человеческого?
Судья: А вы учились этому?
Бродский: Чему?
Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...
Бродский: Я не думал, что это дается образованием.
Судья: А чем же?
Бродский: Я думаю, это... (*растерянно*) от Бога...^{[12][27]}

В ходе первого слушания суд постановил направить Бродского на принудительную [судебно-психиатрическую экспертизу](#)^[28] (защита рассчитывала благодаря экспертизе добиться для Бродского как можно более мягкого наказания, однако, вопреки просьбе защиты, Бродского обследовали не [амбулаторно](#), а в [психиатрической больнице](#)^[12]). На «Пряжке» ([психиатрическая больница № 2 в Ленинграде](#)) Бродский провёл три недели^[24]. По воспоминанию Бродского, в психиатрической больнице к нему применяли «укрутку»: «Глубокой ночью будили, погружали в ледяную ванну, заворачивали в мокрую простыню и помещали рядом с батареей. От жара батарей простыня высыхала и врезалась в тело»^[28]. Этот период своей жизни Бродский считал самым тяжёлым^[28]. Заключение экспертизы гласило: «В наличии [психопатические](#) черты характера, но трудоспособен. Поэтому могут быть применены меры административного порядка»^[18].

Фото из зала суда.

13 марта 1964 года состоялось второе заседание суда^[12]. Народный суд проходил в помещении клуба 15-го ремонтно-строительного управления Ленинграда (дворовый флигель дома № 22 на [набережной реки Фонтанки](#)). Адвокат Бродского сказала в своей речи: «Ни один из свидетелей обвинения Бродского не знает, стихов его не читал; свидетели обвинения дают показания на основании каких-то непонятным путём полученных и непроверенных документов и высказывают своё мнение, произнося обвинительные речи»^[28].

Свидетелей защиты было трое: поэт [Н. И. Грудинина](#) и два профессора-филолога, работавшие в [педагогическом институте имени Герцена](#), оба известные переводчики — [Е. Г. Эткинд](#) и [В. Г. Адмони](#). Будучи специалистами в области поэзии и поэтического перевода, они объясняли суду, что сочинение и переводы стихов — нелёгкий труд, для которого требуется особый талант и профессиональные знания, что эту работу Бродский выполнял талантливо и квалифицированно. И Грудинина, и Эткинд, и Адмони были знакомы с Бродским, на суде они отзывались о нём тепло и с уважением.

Общественным обвинителем выступил представитель штаба народной дружины [Дзержинского района](#) Ф. Сорокин. Свидетелей обвинения было шестеро: член Союза писателей [Е. В. Воеводин](#), завкафедрой [Художественного училища им. Мухоминой](#), преподаватель [марксизма-ленинизма](#) Р. Ромашова, начальник Дома обороны Н. Смирнов, сотрудник хозяйки [Эрмитажа](#) П. Логунов, рабочий-[трубоукладчик](#) УНР-20 П. Денисов и пенсионер Николаев. Все шестеро сообщали в своих показаниях, что с Бродским лично не знакомы; в своих речах они использовали обвинения из пасквиля Лернера, Ионина и Медведева, опубликованного в «Вечернем Ленинграде»^[24]. Свидетели обвинения утверждали также, что стихи Бродского вредно влияют на молодёжь^[18]; они упрекали Бродского за то, что он не служил в армии, и за связь с Шахматовым и Уманским^[12]. Свидетели Смирнов и Николаев заявляли, что Бродскому принадлежат антисоветские стихи, Воеводин — что «Бродский отрывает молодёжь от труда, от мира и жизни»^[28].

Во время второго заседания суда 13 марта, как и во время первого, диалог Бродского и судьи Савельевой проходил в стилистике театра абсурда:

Судья: Значит, вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу?
Бродский: А почему вы говорите про стихи «так называемые»?
Судья: Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет^[12].

На втором заседании суда Бродский был приговорён к максимально возможному по указу о «тунеядстве» наказанию — пяти годам принудительного труда в отдалённой местности^[12]. Анна Ахматова, узнав о суде и приговоре, сказала: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял»^[30].

Суд также вынес частное определение в отношении свидетелей защиты Грудининой, Эткинда и Адмони за высказывание ими собственных мнений о личности и творчестве Бродского. В частном определении говорилось, что они «пытались представить в суде пошлость и безыдейность его стихов как талантливое творчество, а самого Бродского как непризнанного гения. Такое поведение Грудининой, Эткинда и Адмони свидетельствует об отсутствии у них истинной зоркости и партийной принципиальности»^[12]. 20 марта 1964 года секретариат и партийное бюро Ленинградского отделения Союза писателей

ещё до получения ими этого частного определения суда обсуждали на совместном заседании поведение в суде Грудининой, Эткинда и Адмони; постановлением секретариата от 26 марта Грудинину отстранили от работы с молодыми писателями, а Эткинду и Адмони был объявлен выговор^[28].

Выступление Эткинда на суде в защиту Бродского, а также его контакты с [Солженицыным](#) и [Сахаровым](#) привели к преследованиям со стороны властей: в 1974 году его изгнали с кафедры, лишили всех научных степеней и званий, исключили из Союза писателей и запретили печататься. Так он потерял какую-либо возможность устроиться на работу и был вынужден уехать из СССР^[31].

В ссылке[править | править код]

Из знаменитой тюрьмы «Кресты» он был направлен в столыпинском вагоне в Архангельск, также несколько дней провёл на пересылке в тюрьме [Вологодь](#)^[32]. Бродский был сослан в [Коношский район Архангельской области](#) и поселился в деревне [Норенская \(Норинская\)](#)^[13], в которой прожил полтора года (с 25 марта 1964 по 4 сентября 1965 года). Он устроился [разнорабочим](#) в совхоз «Даниловский», где занимался полевыми работами, был [бондарем](#), кровельщиком, доставлял брёвна с [лесосек](#) к местам погрузки и др.^[13]

Биограф Бродского [Лев Посев](#) отмечал, что для Бродского «тюрьма, издевательства конвоиров» явились «нелёгким испытанием, а вот жизнь в ссылке оказалась не страшна». Сам Бродский утверждал, что ссылка оказалась одним из лучших периодов моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше — пожалуй, не было». Домик, в котором жил Бродский, представлял собой бревенчатый сруб, где почти отсутствовала мебель, но можно было отгородиться от остального мира, думать и творить^[13].

По воспоминанию [В. М. Гиндилиса](#), посетившего Бродского в ссылке, каморка, в которой жил Бродский, была очень маленькой («Почти всё пространство занимал топчан, на котором он спал»), часть окна из-за отсутствия стекла «была заткнута неким подобием подушки»; комната не отапливалась, и в ней было очень холодно. Бродский в тот период, когда его навещил Гиндилис, занимался тяжёлой физической работой — перетаскивал вместе со своим напарником огромные каменные валуны, которые приходилось убирать с поля после вырубki леса. В перспективе такой физический труд мог, по оценке Гиндилиса, угрожать здоровью и жизни Бродского, страдавшего сердечной патологией^[33].

В ссылке Бродский изучал английскую поэзию, в том числе творчество [Уистена Олена](#):

Я помню, как сидел в маленькой избе, глядя через квадратное, размером с иллюминатор, окно на мокрую, топкую дорогу с бродящими по ней курами, наполовину веря тому, что я только что прочёл... Я просто отказывался верить, что ещё в 1939 году английский поэт сказал: «Время... боготворит язык», а мир остался прежним.

— «Поклониться тени»

Иосиф Бродский в ссылке на поселении в Архангельской области, 1965

За время реального отбывания наказания (полтора года) Бродский четыре раза уезжал в отпуск в Ленинград^[14]. Навестить его приезжала Басманова, а во время своей третьей побывки в Ленинграде Бродский чуть не уехал в Москву, к Басмановой, что грозило бы ему арестом и увеличением срока ссылки, но сопровождавший Бродского друг удержал его от этого рискованного шага^[12].

Наряду с обширными поэтическими публикациями в эмигрантских изданиях («[Воздушные пути](#)», «[Новое русское слово](#)», «[Посев](#)», «[Грани](#)» и др.), в августе и сентябре 1965 года два стихотворения Бродского были опубликованы в коношской районной газете «Призыв».

Отзывы о процессе и его восприятие[править | править код]

Как отмечал биограф Бродского [Л. Посев](#), в действительности Бродский не являлся [тунеядцем](#) по советским законам: хотя частую смену места работы в то время не поощряли, тем не менее указ о борьбе с тунеядством^[Помещение 2], вышедший 4 мая 1961 года, был нацелен не на «летунов», а на лиц, вообще не работавших и живших на нетрудовые доходы (то есть занимавшихся мелкой [спекуляцией](#), [проституцией](#), нищенством), злоупотреблявших [алкоголем](#), виновных в хулиганстве^[34].

Л. Посев также указывает, что «именно в этот момент наибольшей душевной уязвимости [которая вызвана была размолвкой с Марианной Басмановой] стечение обстоятельств сделало Бродского объектом полицейской травли», что 1963 год — год идеологической реакции и ужесточения государственной политики — и начало 1964 года стали крайне тяжёлым периодом для Бродского. Посев упоминает и о том, что за деятельностью Я. Лернера, как и за уголовным преследованием Бродского, начавшимся в последующие месяцы, стояли партийные функционеры и [КГБ](#)^[35].

По словам историка заместителя директора [Государственного архива РФ Владимира Козлова](#), «...в середине 60-х годов, до и после снятия Хрущёва, идёт поиск наиболее эффективных мер воздействия на инакомыслящих, соблюдая при этом правила игры в социалистическую законность. <...> Дело Бродского — это один из экспериментов местных властей, которым не нравится некая личность с её взглядами, убеждениями и представлениями, но которую по законам советской власти нельзя судить за эти убеждения и представления, ибо он не распространяет этих сведений... Значит,... эксперимент — судить Бродского за тунеядство»^[34].

Цитируя статью [С. А. Лурье](#), Посев писал, что «среди ленинградской интеллигенции утвердилось социально-психологическое объяснение того, почему жертвой показательных репрессий был выбран Бродский. Оно сводится к тому, что сработало некое „коллективное бессознательное“ государства, учувявшего опасность в том уровне духовной свободы, на который Бродский выводил читателя даже аполитичными стихами. Его „стихи описывали недоступный для слишком многих уровень духовного существования... [они утоляли] тоску по истинному масштабу существования]»^[12].

Кандидат юридических наук [Александр Кирпичников](#) утверждает, что «процесс, на котором обвиняли Бродского, назвать судом нельзя. Это расправа над бескомпромиссным человеком, поэтом, запрограммированным от начала и до конца спектакль. Если бы на дворе был не 1964 год, а, скажем, 1948 или 1937, то Бродский исчез бы в лагере. <...> ...Хотя сталинисты были по-прежнему сильны и влиятельны, но старыми методами действовать они уже не могли. Потребовалась организация такого вот суда»^[36].

Ольга Эдельман, историк, сотрудница Государственного архива РФ, отмечала, что «политическая подоплека дела» «очевидна»: «Вроде бы ясно, что власть попыталась использовать указ о тунеядцах для борьбы с инакомыслящими, но, столкнувшись с выступлениями видных советских писателей, а главное — испугавшись международного скандала, отыграла назад» (имеется в виду досрочное — через полтора года — освобождение Бродского)^[37].

Известный историк [Александр Шубин, доктор исторических наук](#), главный научный сотрудник [Института всеобщей истории РАН](#), профессор [Государственного академического университета гуманитарных наук](#) и [Российского государственного гуманитарного университета](#), писал, что дело Бродского явилось «важным прецедентом, напоминавшим о сталинских временах — уголовным осуждением писателя в связи с его творчеством» и что это дело «поразило интеллигенцию демонстративным произволом власти, игнорированием юридических норм и мнения специалистов в тех вопросах, где простой „человек из народа“ не может разбираться просто из-за отсутствия специального образования» (в защиту Бродского выступили литературоведы и переводчики, а свидетели обвинения, выступавшие на суде, не разбирались в поэзии)^[38].

Суд над поэтом стал одним из факторов, приведших к возникновению [правозащитного движения в СССР](#) и к усилению внимания за рубежом к ситуации в области прав человека в СССР. Этот судебный процесс оказался для многих символом суда «черни тупой», бюрократов над Поэтом и явился доказательством того, что свобода слова в СССР по-прежнему невозможна^[39]. Запись суда, сделанная [Фридой Вигдоровой](#), стала аргументом большого значения не только в судьбе Бродского, но и в истории России; эта запись за несколько месяцев распространилась в [самиздате](#), попала за рубеж^[12] и была опубликована во влиятельных зарубежных изданиях: «New Leader», «Encounter», «Figaro Litteraire», читалась по [Би-би-си](#).

Освобождение[править | править код]

При активном участии [Ахматовой](#) велась общественная кампания в защиту Бродского. Центральными фигурами в ней были Фрида Вигдорова и [Лидия Чуковская](#)^[40]. На протяжении полтора лет они неутомимо писали письма в защиту Бродского во все партийные и судебные инстанции и привлекали к делу защиты Бродского людей, пользующихся влиянием в советской системе: [Д. Д. Шостаковича](#), [С. Я. Маршака](#), [К. И. Чуковского](#), [К. Г. Паустовского](#), [А. Т. Твардовского](#), [Ю. П. Германа](#), [К. А. Фелина](#) и других^[42]. По прошествии полтора лет, под давлением советской и мировой общественности прокуратура СССР через ЦК КПСС добилась пересмотра дела Бродского в Верховном суде РСФСР. В результате судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР определением от 4 сентября 1965 года сократила срок ссылки до полутора лет^[16], и в сентябре Бродский вернулся в Ленинград.

По мнению [Я. Горлина](#), «хлопоты корифеев советской культуры никакого влияния на власть не оказали. Решающим было предупреждение „друга СССР“ [Жана-Поля Сартра](#), что на Европейском форуме писателей советская делегация из-за „дела Бродского“ может оказаться в трудном положении»^[48].

В октябре 1965 года Бродский по рекомендации [Корнея Чуковского](#) и [Бориса Вохтина](#) был принят в Группком переводчиков при Ленинградском отделении [Союза писателей СССР](#)^[49], что позволило в дальнейшем избежать новых обвинений в тунеядстве.

Бродский противился навязываемому ему — особенно западными средствами массовой информации — образу борца с советской властью. В частности, он утверждал: «Мне повезло во всех отношениях. Другим людям доставалось гораздо больше, приходилось гораздо тяжелее, чем мне». И даже: «… я-то считаю, что я вообще всё это заслужил»^[49]. В «Диалогах с Иосифом Бродским» [Соломона Волкова](#) Бродский говорит по поводу записи суда Фридой Вигдоровой: «Не так уж это всё и интересно, Соломон. Поверьте мне»^[49], — на что Волков возражает:

СВ: Вы оцениваете это так спокойно сейчас, задним числом! И, простите меня, этим тривиализируете значительное и драматичное событие. Зачем?

ИБ: Нет, я не придумываю! Я говорю об этом так, как на самом деле думаю! И тогда я думал так же. Я отказываюсь всё это драматизировать!

Последние годы на родине^[править | править код]

Бродский был арестован и отправлен в ссылку двадцатирёхлетним юношей, а вернулся двадцатипятилетним сложившимся поэтом. Оставаться на родине ему было отведено менее семи лет. Наступила зрелость, прошло время принадлежности к тому или иному кругу. В марте 1966 года умерла [Анна Ахматова](#). Ещё ранее начал распадаться окружавший её «волшебный хор» молодых поэтов. Положение Бродского в официальной советской культуре в эти годы можно сравнить с положением Ахматовой в 1920—1930-е годы или [Мандельштама](#) в период, предшествовавший его первому аресту.

В конце 1965 года Бродский сдал в Ленинградское отделение издательства «[Советский писатель](#)» рукопись своей книги «Зимняя почта (стихи 1962—1965)». Год спустя, после многомесячных мытарств и несмотря на многочисленные положительные внутренние рецензии, рукопись была возвращена издательством. «Судьба книги решалась не в издательстве. В какой-то момент обком и КГБ решили в принципе перечеркнуть эту идею».

В 1966—1967 годах в советской печати появилось четыре стихотворения поэта^[49] (не считая публикаций в детских журналах), после этого наступил период публичной немоты. С точки зрения читателя единственной областью поэтической деятельности, доступной Бродскому, остались переводы^[49]. «Такого поэта в СССР не существует», — заявило в 1968 году [советское посольство в Лондоне](#) в ответ на посланное Бродскому приглашение принять участие в международном поэтическом фестивале *Poetry International*^[49].

Между тем это были годы интенсивного поэтического труда, результатом которого стали стихи, позднее включённые в вышедшие в США книги: «Остановка в пустыне»^[49], «Конец прекрасной эпохи»^[49] и «Новые стансы к Августе»^[49]. В 1965—1968 годах шла работа над поэмой «[Горбунов и Горчаков](#)» — произведением, которому сам Бродский придавал очень большое значение. Помимо нечестных публичных выступлений и чтения на квартирах приятелей, стихи Бродского довольно широко расходились в самиздате (с многочисленными неизбежными искажениями — копировальной техники и в те годы не существовало). Возможно, более широкую аудиторию они получили благодаря песням, написанным [Александром Мирзаяном](#) и [Евгением Клячкиным](#)^{[Примечание 3][Примечание 4]}.

Внешне жизнь Бродского в эти годы складывалась относительно спокойно, но [КГБ](#) не оставлял его без внимания. Этому способствовало и то, что «поэт становится чрезвычайно популярен у иностранных журналистов, учёных-славистов, приезжающих в Россию. У него берут интервью, его приглашают в западные университеты (естественно, что разрешения на выезд власти не дают) и т. п.»^[49]. Помимо переводов, к работе над которыми он относился очень серьёзно, Бродский подрабатывал и другими доступными для литератора, исключённого из «системы», способами: внештатным рецензентом в журнале «[Аврора](#)», случайными «халтурами» на киностудиях, даже снимался (в роли секретаря горкома партии) в фильме «[Поезд в далёкий август](#)»^[Примечание 5].

За рубежами СССР стихотворения Бродского продолжают появляться как на русском, так и в переводах, прежде всего на английском, польском и итальянском языках. В 1967 году в Англии вышел неавторизированный сборник переводов «Joseph Brodsky. Elegy to John Donne and Other Poems / Tr. by Nicholas Bethell». В 1970 году в Нью-Йорке выходит «Остановка в пустыне»^[49] — первая книга Бродского, составленная под его контролем. Стихотворения и подготовительные материалы к книге тайно вывозились из России или, как в случае с поэмой «[Горбунов и Горчаков](#)», пересылались на Запад дипломатической почтой.

Частично эта книга Бродского включала в себя первую («Стихотворения и поэмы», 1965)^[47], хотя по настоянию автора двадцать два стихотворения из ранней книжки в «Остановку» не вошли. Зато прибавилось около тридцати новых вещей, написанных между 1965 и 1969 годами. В «Остановке в пустыне» стояло имя Макса Хейворда как главного редактора издательства. Фактическим редактором книги у них считался я, но мы… решили, что лучше моего имени не упоминать, поскольку начиная с 1968 года, главным образом из-за моих контактов с Бродским, меня взял на заметку КГБ. Сам-то я считал, что подлинным редактором был Бродский, так как это он отобрал, что включить в книгу, наметил порядок стихотворений и дал названия шести разделам.

— *Джордж Л. Клайн. История двух книг*^[48]

В 1971 году Бродский был избран членом [Баварской академии изящных искусств](#).

В эмиграции^[править | править код]

Отъезд^[править | править код]

Чемодан, с которым 4 июня 1972 года Иосиф Бродский навсегда покинул родину, увозя пишущую машинку, две бутылки водки для Уистена Хью Одена и сборник стихов Джона Донна.

Американский кабинет Иосифа Бродского в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Фотография 2014 года

10 мая^[Примечание 6] 1972 года Бродского вызвали в [ОВИР](#) и поставили перед выбором: немедленная [эмиграция](#) или «горячие денёчки», такая метафора в устах [КГБ](#) могла означать [допросы](#), [тюрьмы](#) и [психбольницы](#)^[49]. К тому времени ему уже дважды — зимой 1963—1964 годов — приходилось лежать на «обследовании» в психиатрических больницах, что было, по его словам, страшнее тюрьмы и ссылки^{[50][Примечание 7]}. Бродский принимает решение об отъезде^[49]. Узнав об этом, [Владимир Марамзин](#) предложил ему собрать всё написанное для подготовки [самиздатского](#) собрания сочинений. Результатом стало первое и до 1992 года единственное собрание сочинений Иосифа Бродского^[50] — разумеется, машинописное. Перед отъездом он успел утвердить для публикации все 4 тома^[49]. Избрав эмиграцию, Бродский пытался оттянуть день отъезда, но власти хотели избавиться от неудобного поэта как можно быстрее^[49]. 4 июня 1972 года лишённый советского гражданства Бродский вылетел из Ленинграда по «израильской визе» и по предписанному еврейской эмиграции маршруту — в Вену^[49]. Спустя 3 года он писал:

Дуя в полную дудку, что твой факир,
я прошёл сквозь строй янычар в зелёном,
чуя яйцами холод их злых секир,
как при входе в воду. И вот, с солёным
вкусом этой воды во рту,
я пересёк черту…

— *Колыбельная Трескового Мыса* (1975)

О последующем, отказываясь драматизировать события своей жизни, Бродский вспоминал с изрядной лёгкостью^[56]:

Самолёт приземлился в Вене, и там меня встретил [Карл Профффер](#)… он спросил: «Ну, Иосиф, куда ты хотел бы поехать?» Я сказал: «О Господи, понятия не имею»… и тогда он спросил: «А как ты смотришь на то, чтобы поработать в Мичиганском университете?»

Иное освещение этим словам дают воспоминания близко знавшего Бродского [Шеймаса Хини](#) в его статье, опубликованной через месяц после смерти поэта^[57]:

не менее, пишет: «В огромном корпусе сочинений Бродского поразительно мало живых текстов… Едва ли сегодняшний читатель без усилия дочитаёт „Шествие“, „Прощайте, мадемуазель Вероника“ или „Письмо в бутылке“ — хотя, несомненно, он не сможет не оценить „Часть речи“, [Двадцать сонетов к Марии Стюарт](#)“ или „Разговор с небожителем“: лучшие тексты ещё живого, ещё не окаменевшего Бродского, вопль живой души, чувствующей своё окостенение, оледенение, умирание».

Последняя книга, составленная при жизни поэта, завершается следующими строками:

И если за скорость света не ждёшь спасибо,
то общего, может, небытия броня
ценит попытки её превращения в сито
и за отверстие поблагодарит меня.

— *«Меня упрекали во всём, кроме погоды…»*^{[[ссылка](#)]}

Драматург, переводчик, литератор[[править](#) | [править код](#)]

Перу Бродского принадлежат две опубликованные пьесы: «Мрамор» (1982) и «Демократия» (1990—1992). Ему также принадлежат переводы пьес английского драматурга [Томы Стоппарда](#) [«Розенкранц и Гильденстерн мертвы»](#) и ирландца [Брендана Бизна](#) «Говоря о верёвке». Бродский оставил значительное наследие как переводчик мировой поэзии на русский язык. Из переведённых им авторов можно назвать, в частности, [Джона Донна](#), [Эндрю Марвелла](#), [Ричарда Уилбера](#), [Еврипида](#) (из «Медее»), [Константиноса Кавафиса](#), [Константы Ильдебфонса Галчинского](#), [Чеслава Милоша](#), [Томаса Венцловы](#). Значительно реже Бродский обращался к переводам на английский. Прежде всего это, конечно, автопереводы, а также переводы из [Мандельштама](#), [Цветаевой](#), [Виславы Шимборской](#) и ряд других.

[Сюзан Зонтаг](#), американская писательница и близкий друг Бродского, говорит: «Я уверена, что он рассматривал своё изгнание как величайшую возможность стать не только русским, но всемирным поэтом… Я помню, как Бродский сказал, смеясь, где-то в 1976—1977: „Иногда мне так странно думать, что я могу написать всё, что я захочу, и это будет напечатано“»^{[[ссылка](#)]}. Этой возможностью Бродский воспользовался в полной мере. Начиная с 1972 года он с головой окунается^{[[ссылка](#)]} в общественную и литературную жизнь. Помимо трёх вышеназванных книг эссе, число написанных им статей, предисловий, писем в редакции, рецензий на различные сборники превышает сто, не считая многочисленных устных выступлений на вечерах творчества русских и англоязычных поэтов, участия в дискуссиях и форумах, журнальных интервью. В списке авторов, на чье творчество он даёт отзывы, имена [И. Лисенской](#), [Е. Рейна](#), [А. Кушнера](#), [Д. Новикова](#), [Б. Ахматулиной](#), [Д. Лосева](#), [Ю. Кублановского](#), [Ю. Алешковского](#), [Вл. Уфлянда](#), [В. Гандельсмана](#), [А. Наймана](#), [Р. Дериевой](#), [Р. Уилбера](#), [Ч. Милоша](#), [М. Стрэнда](#), [Д. Уолкотта](#) и другие. Крупнейшие газеты мира публикуют его обращения в защиту преследуемых литераторов: [С. Рушди](#), [Н. Горбаневской](#), [В. Марамзина](#), [Т. Венцловы](#), [К. Азоловского](#)^{[[ссылка](#)]}. Как пишет Л. Штерн, Бродский «старался помочь столь большому количеству людей [в том числе рекомендательными письмами], что… наступила некая девальвация его рекомендаций»^{[[ссылка](#)]}.

Относительное финансовое благополучие (по крайней мере, по меркам эмиграции) давало Бродскому возможность оказывать и более материальную помощь. [Лев Лосев](#) пишет:

Несколько раз я участвовал в сборе денег на вспомоществование нуждающимся старым знакомым, иной раз и тем, к кому Иосиф не должен был бы питать симпатий, и, когда я просил у него, он принимался торопливо выписывать чек, даже не давая договорить^{[[ссылка](#)]}.

Вот свидетельство [Романа Каплана](#), знавшего Бродского ещё с российских времён владельца ресторана [«Русский самовар»](#), одного из культурных центров русской эмиграции в Нью-Йорке:

В 1987 году Иосиф получил Нобелевскую премию… Я давно знал Бродского и обратился к нему за помощью. Иосиф вместе с [Мишей Барышниковым](#) решили мне помочь. Они внесли деньги, а я им отдал какую-то долю от этого ресторана… Увы, дивидендов я не платил, но я каждый год торжественно отмечал его день рождения^{[[ссылка](#)]}.

Библиотека Конгресса избрала Бродского [поэтом-лауреатом США](#) на 1991—1992 годы. В этом почётном, но традиционно номинальном качестве он развил активную деятельность по пропаганде поэзии. Его идеи привели к созданию American Poetry and Literacy Project (Американский проект: «Поэзия и Грамотность»), в ходе которого с 1993 года более миллиона бесплатных поэтических сборников были розданы в школах, отелях, супермаркетах, на вокзалах и проч.^{[[ссылка](#)]} По словам Уильяма Уодсворта, занимавшего с 1989 по 2001 год пост директора Американской академии поэтов, инаугурационная речь Бродского на посту поэта-лауреата «стала причиной трансформации взгляда Америки на роль поэзии в её культуре»^{[[ссылка](#)]}. Незадолго до смерти Бродский увлёкся идеей основать в Риме русскую академию. Осенью 1995 года он обратился к мэру Рима с предложением о создании академии, где могли бы учиться и работать художники, писатели и учёные из России. Эта идея была реализована уже после смерти поэта. В 2000 году Фонд стипендий памяти Иосифа Бродского отправил в Рим первого российского поэта-стипендиата, а в 2003 году — первого художника^{[[ссылка](#)]}.

Англоязычный поэт[[править](#) | [править код](#)]

В 1973 году вышла первая авторизованная книга переводов поэзии Бродского на английский — «Selected poems» («Избранные стихотворения») ^{[[ссылка](#)]} в переводах Джорджа Клайна и с предисловием Одена. Второй сборник на английском языке, «A Part of Speech» («Часть речи») ^{[[ссылка](#)]}, вышла в 1980 году; третий, «To Urania» («К Урании») ^{[[ссылка](#)]}, — в 1988 году. В 1996 году был опубликован «So Forth» («И так далее») ^{[[ссылка](#)]} — четвёртый сборник стихов на английском языке, подготовленный Бродским. В последние две книги включены как переводы и автопереводы с русского, так и стихотворения, изначально написанные на английском. С годами Бродский всё меньше доверял переводы своих стихов на английский другим переводчикам; одновременно он всё чаще сочинял стихи на английском, хотя, по его собственным словам, не считал себя двуязычным поэтом и утверждал, что «для меня, когда я пишу стихи по-английски, — это скорее игра…». Лосев пишет: «В языковом и культурном отношении Бродский был русским, а что касается самоидентификации, то в зрелые годы он свёл её к лапидарной формуле, которую неоднократно использовал: „Я — еврей, русский поэт и американский гражданин“» ^{[[ссылка](#)]}.

В пятисотстраничном собрании англоязычной поэзии Бродского^{[[ссылка](#)]}, выпущенном после смерти автора, нет переводов, выполненных без его участия. Но если его эссеистика вызывала в основном положительные критические отклики, то отношение к нему как к поэту в англоязычном мире было далеко не однозначным^{[[ссылка](#)]}. По мнению Валентины Полухиной, «парадокс восприятия Бродского в Англии заключается в том, что с ростом репутации Бродского-эссеиста ужесточались атаки на Бродского — поэта и переводчика собственных стихов»^{[[ссылка](#)]}. Спектр оценок был очень широк, от крайне негативных до хвалебных, но в целом превалировал критический уклон. Роли Бродского в англоязычной поэзии, переводу его стихов на английский, взаимоотношениям русского и английского языков в его творчестве посвящены, в частности, эссе-мемуары [Дэниэла Уэйссборта](#) «From Russian with love»^{[[ссылка](#)]}. Ему принадлежит следующая оценка английских стихов Бродского:

На мой взгляд, они весьма беспомощны, даже возмутительны, в том смысле, что он вводит рифмы, которые всерьёз в серьёзном контексте не воспринимаются. Он пытался расширить границы применения женской рифмы в английской поэзии, но в результате его произведения начинали звучать как [У. Ш. Гилберт](#) или [Огден Нэш](#). Но постепенно у него получалось лучше и лучше, он и в самом деле начал расширять возможности английской просодии, что само по себе необыкновенное достижение для одного человека. Не знаю, кто ещё мог этого добиться. [Набоков](#) не мог^{[[ссылка](#)]}.

Возвращение[[править](#) | [править код](#)]

[Перестройка](#) в СССР и совпавшее с ней присуждение Бродскому Нобелевской премии прорвали плотину молчания на родине, и в скором времени публикации стихов и эссе Бродского хлынули потоком^{[[примечание 12](#)]}. Первая (помимо нескольких стихотворений, просочившихся в печать в 1960-х) подборка стихотворений Бродского появилась в декабрьской книжке [«Нового мира»](#) за 1987 год. До этого момента творчество поэта было известно на его родине весьма ограниченному кругу читателей и лишь благодаря рукописным и машинописным спискам, распространявшимся в [самиздате](#). В 1989 году Бродский был [реабилитирован](#) по процессу 1964 года^{[[ссылка](#)]}; было признано, что в его действиях отсутствовал состав административного правонарушения^{[[ссылка](#)]}.

В 1992 году в России начинает выходить 4-томное собрание сочинений^{[[ссылка](#)]}.

В 1995 году Бродскому присвоено звание [почётного гражданина Санкт-Петербурга](#)^{[[ссылка](#)]}.

Последовали приглашения вернуться на родину. Бродский откладывал приезд: его смущала публичность такого события, чествования, внимание прессы, которыми бы неизбежно сопровождался его визит^{[[ссылка](#)]}. Не позволяло и здоровье. Одним из его последних аргументов был такой: «Лучшая часть меня уже там — мои стихи»^{[[ссылка](#)Примечание 13]}.

Общественная позиция[[править](#) | [править код](#)]

В 1974 году Бродский пишет стихотворение «[На смерть Жукова](#)», являющееся откликом на смерть советского полководца [Георгия Константиновича Жукова](#). Жанровое и структурное своеобразие, по мнению литературов, позволяет рассматривать стихотворение как «[имперское](#)» и «[патриотическое](#)». На такие заявления Иосиф Александрович отвечал следующее: «Вообще-то я считаю, что это стихотворение в своё время должны были напечатать в газете ["Правда"](#)»^[a2]. Также в [стихотворении](#) Бродского, написанного не позднее 1992 года и представляющего собой резкую эмоциональную реакцию на [провозглашение независимости Украины](#), используется, как считает [украинист](#) Ольга Бертельсен, «напористый и довольно агрессивный империалистический тон»^[a3].

Первый митинг, в котором участвовал Бродский, — митинг в поддержку антитоталитарного и [антикоммунистического](#) польского движения «[Солидарность](#)», второй — против [ввода советских войск в Афганистан](#)^[a4].

Соавтор фильма «[Прогулки с Бродским](#)» Елена Якович рассказала, что первый [Президент России](#) был для поэта очень важным человеком. Во время съёмок, в ноябре 1993 года, Иосиф Александрович сказал: «на сегодняшний день я в партии [Бориса Ельцина](#). Я думаю, что этот человек делает всё так, как, видимо, только и можно в этих обстоятельствах»^[a5]. Бродский упомянул имя Президента в своём стихотворении «Подражание [Горацию](#)»^[a6]:

Но ты, кораблик, чей кормчик Боря,
не отличай горизонт от горя.
Лети по волнам стать частью моря,
лети, лети.

Смерть и погребение^[править | править код]

Общий вид могилы Иосифа Бродского на кладбище [Сан-Микеле](#), [Венеция](#), 2004 год.

Субботним вечером 27 января 1996 года в [Нью-Йорке](#) Бродский готовился ехать в Саут-Хадли и собрал в портфель рукописи и книги, чтобы на следующий день взять с собой. В понедельник начинался весенний семестр. Пожелав жене спокойной ночи, Бродский сказал, что ему нужно ещё поработать, и поднялся к себе в кабинет. Утром жена обнаружила его на полу в кабинете. Бродский был полностью одет, на письменном столе рядом с очками лежала раскрытая книга — двуязычное издание греческих эписграмм.

Иосиф Александрович Бродский скоропостижно скончался в ночь с 27 на 28 января 1996 года, не дожив 4 месяца до своего 56-летия. Причина смерти — внезапная [остановка сердца](#) вследствие [инфаркта](#).

1 февраля 1996 года в Епископальной [приходской церкви](#) Благодати (Grace Church) в [Бруклин Хайтс](#), неподалёку от дома Бродского, прошло [отпевание](#). На следующий день состоялось временное захоронение: тело в гробу, обитом металлом, поместили в склеп на кладбище при храме Святой Троицы (Trinity Church Cemetery), на берегу Гудзона, где оно хранилось до 21 июня 1997 года. Присланное телеграммой предложение депутата Государственной Думы РФ [Г. В. Старовойтовой](#) похоронить поэта в Петербурге на Васильевском острове было отвергнуто — «это означало бы решить за Бродского вопрос о возвращении на родину»^[a2]. Мемориальная служба состоялась 8 марта на [Манхэттене](#) в епископальном [соборе Святого Иоанна Богослова](#). Речей не было. Стихи читали [Чеслав Милош](#), [Дерек Уолкотт](#), [Шеймас Хини](#), [Михаил Барышников](#), [Лев Лосев](#), [Энтони Хект](#), [Марк Стрэнд](#), [Розанна Уоррен](#), [Евгений Рейн](#), [Владимир Уфлянд](#), [Томас Венцлова](#), [Анатолий Найман](#), [Яков Гордин](#), [Мария Соццани-Бродская](#) и другие. Звучала музыка [Гайдна](#), [Моцарта](#), [Пёрселла](#). В 1973 году в этом же соборе Бродский был одним из организаторов мемориальной службы памяти [Уистена Олена](#)^{[a2][a3]}.

В своих широко цитируемых воспоминаниях, посвящённых последней воле и похоронам Бродского, поэт и переводчик [Илья Кутик](#) говорит:

За две недели до своей смерти Бродский купил себе место в небольшой часовне на нью-йоркском кладбище по соседству с Бродвеем (именно такой была его последняя воля). После этого он составил достаточно подробное завещание. Был также составлен список людей, которым были отправлены письма, в которых Бродский просил получателя письма дать подписку в том, что до 2020 года получатель не будет рассказывать о Бродском как о человеке и не будет обсуждать его частную жизнь; о Бродском-поэте говорить не возбранялось^[a3].

Большинство утверждений, сделанных Кутиком, не подтверждается другими источниками. В то же время близко знавшие Бродского Э. Шеллберг, М. Воробьёва, Л. Лосев^[a4], В. Полухина^[a5], Т. Венцлова^[a6] выступили с опровержениями. В частности, Шеллберг и Воробьёва заявили: «Хотим заверить, что статья об Иосифе Бродском, опубликованная под именем Ильи Кутика на 16-й странице "Независимой газеты" от 28 января 1998 года, на 95 процентов является вымыслом». Своё резкое несогласие с рассказом Кутика высказал Лев Лосев, засвидетельствовавший в числе прочего, что Бродский не оставлял указаний относительно своих похорон, не покупал место на кладбище и т. д.^[a4] По свидетельствам Лосева и Полухиной, Илья Кутик не присутствовал на описываемых им похоронах Бродского^[a2].

Решение вопроса об окончательном месте упокоения поэта заняло больше года. По словам вдовы Бродского Марии, «идею о похоронах в Венеции высказал один из его друзей. Это город, который, не считая Санкт-Петербурга, Иосиф любил больше всего. Кроме того, рассуждая эгоистически, Италия — моя страна, поэтому было лучше, чтобы мой муж там и был похоронен. Похоронить его в Венеции было проще, чем в других городах, например в моём родном городе Компиньяно около Лукки. Венеция ближе к России и является более доступным городом»^[a8]. [Вероника Шильц](#) и Бенедетта Кравери договорились с властями Венеции о месте на старинном кладбище на острове [Сан-Микеле](#). Желание быть похороненным на Сан-Микеле встречается в шуточном послании Бродского 1974 года [Андрею Сергееву](#)^[a2]:

Хотя бесчувственному телу
равно повсюду истлевать,
лишённое родимой глины, оно в аллювии долины
ломбардской гнить не прочь. Понеже
свой континент и черви те же.
Стравинский спит на Сан-Микеле…

21 июня 1997 года на кладбище Сан-Микеле в Венеции состоялось перезахоронение тела Иосифа Бродского. Первоначально тело поэта планировали похоронить на русской половине кладбища между могилами [Стравинского](#) и [Дягилева](#), но это оказалось невозможным, поскольку Бродский не был [православным](#). Также отказало в погребении и [католическое духовенство](#). В результате решили похоронить тело в [протестантской](#) части кладбища. Место упокоения было отмечено скромным деревянным крестом с именем *Joseph Brodsky*^[a9].

Через несколько лет на могиле поэта установили надгробный памятник работы художника Владимира Радунского^[a10]. На обороте памятника выполнена надпись на латыни — строка из элегии [Проперция](#) «*Letum non omnia finit*» — «Не всё кончается со смертью».

Люди, приходя на могилу, оставляют камешки, письма, стихи,карандаши, фотографии, сигареты [Camel](#) (Бродский много курил) и [виски](#).

Семья^[править | править код]

Мать — Мария Моисеевна Вольперт (1905—1983).

Отец — Александр Иванович (Израилевич) Бродский (1903—1984).

Сын — Андрей Осипович Басманов (род. 1967), от [Марианны Басмановой](#).

Дочь — Анастасия Иосифовна Кузнецова (род. 1972), от балерины Марианны Кузнецовой.

Жена (с 1990) — Мария Соццани (род. 1969).

Дочь — Анна Александра Мария Бродская (род. 1993).

Тест

1. Год рождения Бродского:

- а) 1940 +
- б) 1945
- в) 1935

2. Город рождения:

- а) Киев
- б) Ленинград +
- в) Москва

3. Кем был отец поэта:

- а) майор КГБ
- б) врач
- в) капитан ВМФ СССР +

4. Мать поэта работала:

- а) бухгалтером +
- б) врачом
- в) юристом

5. В какой город во время блокады уехали мать и Иосиф:

- а) в Владивосток
- б) в Сугрут
- в) в Череповец +

6. В каком году они вернулись в Ленинград:

- а) в 1943
- б) в 1944 +
- в) в 1945

7. В каком году Бродский бросил учёбу в 8 классе школы:

- а) 1957
- б) 1956
- в) 1955 +

8. Учеником кого поступил на завод писатель:

- а) фрезеровщика +
- б) столяра
- в) слесаря

9. Во сколько лет поэт «загорелся» желанием стать врачом:

- а) в 18
- б) в 17
- в) в 16 +

10. В каких экспедициях работал Бродский с 1957 года:

- а) горных
- б) геологических +
- в) географических

11. В каком году у Бродского произошёл нервный срыв:

- а) 1961 +
- б) 1960
- в) 1962

12. Где случился нервный срыв:

- а) в Красноярске
- б) в посёлке Нелькан +
- в) в Сургуте

13. 1960 года состоялось первое крупное публичное выступление Бродского на «турнире»:

- а) поэтов +
- б) писателей
- в) юмористов

14. В каком году Бродский и его друг, бывший лётчик, Олег Шахматов рассматривали план захвата самолёта, чтобы улететь за границу:
- а) 1965
 - б) 1970
 - в) 1960 +
15. Впервые Бродский был задержан КГБ в:
- а) 1961 +
 - б) 1960
 - в) 1962
16. На рубеже каких годов, Бродский приобрёл известность на ленинградской литературной сцене:
- а) 1961 — 62
 - б) 1960 — 61 +
 - в) 1963 — 64
17. Знакомство с поэзией этого автора стало толчком для начала бурной карьеры Бродского:
- а) Алексина
 - б) Евтушенко
 - в) Слуцкого +
18. Первым опубликованным стихотворением Бродского было:
- а) «Баллада о маленьком трактире»
 - б) «Баллада о маленьком буксире» +
 - в) «Конец прекрасной эпохи»
19. Как назывался журнал, где было напечатано это произведение:
- а) «Мурзилка»
 - б) «Крокодил»
 - в) «Костёр» +
20. По обвинению в чём, арестовали Бродского в 1964 году:
- а) в алкоголизме
 - б) в тунеядстве +
 - в) в многожёнстве
21. Куда отправили Бродского после ареста:
- а) в психлечебницу +
 - б) в тюрьму
 - в) в СИЗО
22. В каком году Бродского лишили советского гражданства:
- а) 1973
 - б) 1972 +
 - в) 1971
23. В какую страну переехал жить Бродский из Вены:
- а) Канада
 - б) Израиль
 - в) США +
24. В каком университете преподавал Бродский в США:
- а) в Калифорнийском
 - б) в Мичиганском +
 - в) в Йельском
25. Пьеса «Мрамор» была опубликована в:
- а) 1983
 - б) 1985
 - в) 1982 +
26. В каком году поэт получил Нобелевскую премию:
- а) 1988
 - б) 1987 +
 - в) 1986
27. В каком году в России начинает выходить 4 — томное собрание сочинений:
- а) 1992 +
 - б) 1993
 - в) 1994
28. В каком году Бродскому присвоено звание почётного гражданина Санкт — Петербурга:
- а) 1996

- б) 1994
- в) 1995 +

29. В каком году скончался Бродский:

- а) 1996 +
- б) 1997
- в) 1995

30. Город, в котором похоронен Бродский:

- а) Нью — Йорк
- б) Венеция +
- в) Санкт – Петербург

Домашнее задание : Написать опорный конспект . Ответит на тест . Читать и анализировать произведения.

Основная литература:

1.Русский язык и литература. Литература. 11класс. Учеб. Для общеобразоват.организаций. Базовый уровень в 2ч.Ч.2/ (О.Н.Михайлов, И.О.Шайтанов, В.А. Чалмаев и др.); под ред. В.П. Журавлева .-3-е изд.- М.:Просвещение, 2016.-431с.

Обратная связь:.. 050-820-62-58 Whats App

С уважением, преподаватель Толстова Анна Васильевна